

— Карим вылечил калеку! — вдруг закричал Толстый Пит. — Волшебный бросок!

Шутку не поддержали. После последнего попадания калека свалился с коляски и неподвижно лежал довольно долгое время. Они, было, решили, что тот умер, и собирались разбежаться, пока не появилась стража — маловероятно, но все же. Но калека встал!

Не веря своим глазам, подростки продолжали пялиться на Луку. Тот же не терял времени. Мнимым было выздоровление или нет, но неизвестно, когда это может закончиться. Лука, обтерев рукавом лицо, выбрался из лужи, подобрал пару булыжников, лежавших ближе всего и, неумело замахнувшись, бросил.

Камень пролетел метр и, поднимая кучу брызг, плюхнулся в лужу. Хулиганы удивились, а потом разразились хохотом.

Не медля, Лука бросил еще один, и тот воткнулся в грязь рядом. Злясь на себя, Лука стал подбирать и бросать булыжники в тех, кто продолжал издеваться над ним даже сейчас, когда он владеет телом, но не мог добросить даже до середины лужи, на другой стороне которой умирали от смеха хулиганы.

Карим аж всхлипывал, держась за живот, а вместе с ним хохотали и остальные ребята. Громче всех надрывался Толстый Пит, правая рука Карима. Он подбострастно поддерживал вожака в любом начинании, ведь сын хозяина харчевни щедро делился с ним и другими ребятами недоеденными остатками с тарелок посетителей, а в этом районе столицы еда была самым ценным ресурсом.

Сколько раз Лука мечтал, что он сможет поднять и вернуть брошенный в него камень! И вот... Будучи всю жизнь прикованным к постели, как и когда он смог бы научиться швырять камни? Был бы рядом отец... Да хотя бы Кора, вот уж кто смог бы его научить этому легко и непринужденно, но сестренка находилась в застенках тюрьмы городской стражи, пока мама собирала деньги на выкуп.

Лука огляделся, но камней рядом больше не было.

— Эй, калека! Лови! — крикнул толстый Пит и бросил в него булыжником.

По привычке Лука просто наблюдал за тем, как камень летит прямо в него, но вдруг услышал в голове вроде бы свои, но чужие мысли: «Подвинься! Прости, но я не могу на это смотреть!», после чего его тело само стало двигаться, и сделало разворот и прогиб, уклоняясь. Камень пролетел мимо, едва не задев.

— Ничего себе! А ну, парни, пусть потанцует!

Цель стала подвижной, и это раззадорило хулиганов. Суется, они стали хватать, что ни попадя, и бросать в Луку. Мальчик нашел определенное удовольствие в том, чтобы не дать им попасть в себя. Не делая лишних движений, он легко уклонялся от всего, что в него бросали.

«Надоело, — подумал Лука-Эск, — Моя очередь». Меткими выверенными бросками он вывел из строя Натуса, сына торговца рыбой, Джамалю, чумазого остолопа с полным отсутствием проблесков интеллекта. Потом дошла очередь до Толстого Пита — булыжник размером почти с булку хлеба угодил ему прямо в его желеобразный живот, выбивая весь воздух из легких. Пит согнулся и рухнул лицом прямо в лужу.

Лука подкидывал в руке очередной камень, думая, в какую часть тела Карима его бросить. Тот

заметался, не зная, то ли бежать, то ли помогать друзьям. В итоге он спрятался за Толстого Пита, вытащив того, как бегемота из болота, из лужи.

Лука прицелился. Из-за спины Толстого Пита высывалось плечо Карима, в него он и швырнул камень. Камушек небольшой, размером с перепелиное яйцо, но тем точнее вышел бросок. Наглый и задиристый шестнадцатилетний сын харчевника взвыл, как девчонка. Смотря на это, его свора заохала, переглянулась и... побежала!

— Подождите меня! — завопил Карим и помчался за остальными.

Обернувшись, он сорвавшимся голосом прокричал:

— Ты труп, калека! Ты труп!

Чувствуя, как в груди зарождается новое чувство, Лука посмотрел ему вслед. Чувство удовлетворения. Ему нравилось, как послушно тело, как быстро бежит кровь по жилам, нравился всплеск наконец-то выплеснутой, по-настоящему выплеснутой ярости. Ведь раньше он мог только ночами беззвучно плакать, чтобы не разбудить маму с сестрой, или скрипеть зубами и вращать глазами. Он не позволял себе истерик, не желая быть еще слабее, чем он был, а потому гнев копился в нем, давным-давно срывая крышу.

Сейчас он дал волю чувствам, и на место заполнявшего все гнева пришло тихое умиротворенное удовлетворение. Эска позабавило происшествие, но и он чувствовал то же, что и Лука.

Все-таки у них было одно тело.

Тело, которое начало отчаянно болеть. Атрофированные мышцы, казалось, шокированы запредельными нагрузками. Ноги Луки подогнулись, но он сумел не упасть. Шатаясь, он добрался до коляски, поставил ее на колеса и, преодолевая боль, выкатил ее из лужи. Едва это сделав, он тут же упал в нее, принял удобное положение и покатил в сторону дома.

В лачугу он заходил уже на своих ногах. Мать, не заметив его появления, продолжала тереть белье на стиральной доске. С ее лба ручьем лился пот, но ей приходилось терпеть, так как руки были заняты. Сдувая с лица налипшие волосы и струящийся пот, она продолжала стирку так остервенело, будто от этого зависела жизнь ее детей. Хотя, так оно и было.

«Срань Хорваца, куда я попал?», — подумал Эск, и та же мысль пришла в голову Луке. Мальчик посмотрел на место, где он прожил все последние годы, новыми глазами. Да и с другой высоты, честно говоря — со всей высоты своего роста.

Одна комната на всех. На одной половине плохо освещенного пространства размещаются все кровати, маленький обеденный столик, сундук со старым барахлом. Всю вторую половину занимает прачечная — повсюду развешено белье, в углу ютится гладильный стол со старым чугунным утюгом. В углу напротив стирает мать. Мыльная вода в тазе и ведрах на полу уже черна от грязи, и вскоре матери предстоит тащиться за квартал отсюда к общественному колодцу.

Точно. Выжав белье, она слила воду в ведро, поставила таз на место и выпрямилась. Лука заковылял к ней:

— Мама...

Приска подняла голову, заметила стоящего (!) перед ней сына и свалилась в обморок, но Лука кинулся к ней, чтобы не дать упасть.

«Силенок-то совсем нет», — заметил Эск, когда, не удержав тело матери, рухнул на мокрый пол.

Аккуратно удерживая мать, он сел и погладил маму по голове. Приска была очень красивой, когда выходила замуж за отца, но последние годы совсем ее подкосили. Лицо осунулось, глаза набрякли мешками, волосы поредели, а грудь обвисла после рождения Кору. Но она оставалась красива, хотя это было сложно заметить сразу.

— Мама, мам... — тихо шептал Лука. — Мама, очнись!

Он коснулся губами лба матери.

Приска открыла глаза. Лука встал сам и помог подняться матери.

— Не приснилось! Не приснилось! — глаза мамы наполнились слезами. — Лука! Сынок!

— Да, мам...

— Но как? — воскликнула мать.

Лука рассказал ей все, как было, разве что, не упомянув, как стал бросать камни в ответ. В его версии событий хулиганы разбежались, стоило ему подняться.

— Чудо! Чудо! — не уставала повторять Приска, целуя и обнимая сына.

Слезы так и лились из ее глаз, она и сама была мокрой от стирки и пота, да и сам Лука только вылез из лужи. Обнявшись, они долго стояли. Лука прижимал мать к груди и впервые смотрел на нее сверху вниз. Теперь он видел, как много у его мамы седых волос.

— Мама, я схожу за водой. А ты пока отдыхай.

— А ты сможешь? — Приска недоверчиво осмотрела сына с головы до ног.

— Я постараюсь. Буду носить по одному ведру, не переживай. Отдыхай, мам.

Лука отвел к кровати и усадил мать, а сам взял полное ведро и, сжав зубы, делая маленькие шажочки, понес из дому, чтобы вылить в канаву грязную воду и принести чистой.

Эск, наблюдая за этим, подумал, что мальчишка надорвется.

Пора крутить Колесо.

<http://tl.rulate.ru/book/15101/298705>